
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(479.24)«1723/1735»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.041

Северный Азербайджан под управлением Османской империи (1723–1735 гг.)

Оздамирова Элиза Мусатовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории,
Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова. Россия, г. Грозный. E-mail: eliza1976@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа широкого круга опубликованных и неопубликованных источников из архивохранилищ Российской Федерации, исследований историков предпринята попытка дать развернутую картину системы османского управления на территории Северного Азербайджана (современной Азербайджанской Республики) в 1723–1735 гг. Эти территории отошли к Османской империи от Персидской державы Сефевидов в результате заключения Константинопольского мирного договора с Российской империей 1724 г. Установлено, что в рассматриваемые годы Османская империя ввела в Закавказье систему военно-административного управления, максимально сохранив территориальное деление, существовавшее при Сефевидях. Османы оказывали покровительство местной азербайджанской элите, не оказавшей им сопротивление. Определенной части правителей провинций удалось сохранить свою власть. При этом османские власти, поддерживая того или иного претендента на управление провинцией-ханством, четко следовали тактике поддержки наиболее лояльных их власти владетельных правителей или вставали на сторону сильнейшего в междоусобных столкновениях азербайджанских элит. Османские власти в центре и в самом Северном Азербайджане также постоянно следили за тем, чтобы местные правители не проявляли пророссийских намерений, не сближались с северным соседом. Не подверглась серьезным изменениям и система налогообложения. Главная задача, которая ставилась перед правителями провинций: регулярное поступление налогов в султанскую казну, поэтому османам пришлось смириться с существовавшим в Азербайджане социально-экономическим укладом. Эту же цель преследовала и установленная османами военно-административная система управления. Исследование проведено на основе использования общенаучных (анализ, синтез) и специально-исторических научных методов: сравнительно-исторического, идеографического, ретроспективного и других.

Ключевые слова: Константинопольский мирный договор, Османская империя, военно-административное управление, бейлербейство, санджак, налоговая система.

В первой трети XVIII в. на территории Северного Азербайджана (современная Республика Азербайджан) столкнулись интересы трех государств: сефевидского Ирана, османской Турции и молодой Российской империи. Острейшее осmano-российское соперничество в Закавказье закончилось разделом территорий между двумя государствами и установлением на них соответствующих администраций. Османы получили значительную часть Азербайджана, за исключением прибрежных территорий. Несмотря на то, что владычество турок продолжалось чуть больше одного десятилетия (1723–1735 гг.), для истории Азербайджана это был значимый период истории, который предшествовал образованию независимых государств – ханств.

Рассматриваемая научная проблема привлекала внимание исследователей в прошлом. Но на первом месте в российской историографии, традиционно, со второй половины XVIII – XIX вв. стояли вопросы, связанные с деятельностью Петра I и успешным Персидским походом. Но главное внимание в таких работах уделялось исключительно военным действиям и российской администрации в прикаспийских провинциях, а подвластные османам территории их совсем не интересовали. Единственным, пожалуй, исключением является известная работа П. Г. Буткова [12], в которой были приведены все известные автору материалы. Поэтому эта работа, как и труд И. Г. Гербера [13], и сборник АКАК [9; 10], имеет и источниковедческую ценность.

В советское время, как и следовало ожидать, в основу исследования темы была положена марксистская методология, и в отношении истории национальных окраин бывшей Российской империи во главу угла была поставлена теория колониализма. Поэтому период турецкого господства на территории Азербайджана рассматривался в крайне негативном ракурсе. В послевоенный период вышли исследования в АН АзССР и Институте Востоковедения АН СССР: И. П. Петрушевского, А. Д. Папазяна, Г. М. Мамедова, Н. Н. Шенгелия, С. Ф. Орешковой [15; 16; 18; 19; 20; 21; 22]. Они были посвящены в основном истории хозяйственно-экономического развития и системы налогообложения, установленной турками на подвластных территориях.

С позиций истории российско-турецкой борьбы за территорию Северного Азербайджана рассмотрел вопрос азербайджанский историк Т. Т. Мустафазаде [17], а российский специалист А. Л. Рябцев – сквозь призму российско-иранских отношений соответствующего периода [23]. Следует также отметить работы турецкого историка Данишменда [25], составившего подробную историю Османской империи, и французского – Ж. Хамме [26]. В своих «историях» они останавливались на освещении системы османского управления в Закавказье в 1720–1730-е гг.

В нашей статье мы предприняли попытку проанализировать весь комплекс административного управления (и политического, и социально-экономического) османов в Закавказье в 1723–1735 гг., опираясь на источники из Архива внешней политики Российской империи и труды предшественников. В ходе исследования мы использовали общенаучные (анализ, синтез) и специально-исторические научные методы: сравнительно-исторический, идеографический, ретроспективный и другие.

Итак, в результате борьбы Османской и молодой Российской империй за Закавказье в начале 1720-х гг., в июне 1724 г. между ними был заключен Константинопольский (Стамбульский) договор, закрепивший за каждым из государств сферы влияния на территории побежденной Петром Первым и окончательно пришедшей в упадок Персидской державы Сефевидов. Согласно ст. 3 договора, Османская империя получила значительную часть Закавказья: Восточная Грузия, Восточная Армения и большинство Североазербайджанских территорий: Ордубад, Гянджа, Тебриз, Меренд, Марага, Урмие, Чорос, Салмас, Карабах, Нахичевань, Барда, Хамадан, Гум и Кирманшах [17, с. 82].

После урегулирования всех военных, дипломатических и территориальных вопросов перед османами встала задача организации системы управления на вновь присоединенных территориях. Рассчитывая, что территории вошли в состав их империи навсегда, османские власти поспешили утвердить здесь имперские институты. Традиционно они были представлены тремя ведомствами: военно-административным, финансовым и судебным. Соответственно они были представлены бейлербеем, дефтердаром и кади. При этом распределение функций между ними не было нигде закреплено, и часто военный чиновник распоряжался финансами и вмешивался в судебное производство [18, с. 14].

Османе не стали менять административное деление в Азербайджане, сохранив в основном границы бывших сефевидских бейлярбейств, ограничились небольшими коррективами в сторону уменьшения. В основном это было связано, что прилегавшие к Каспийскому морю олге и магалы отошли к Российской империи. Территория Северного Азербайджана теперь делилась на вилайеты – военно-административные единицы, эялеты – области, также на бейлярбейства и санджаки [18, с. 14].

Некоторые сефевидские правители сумели сохранить свои должности и при османах. Например, правитель Газахского санджака, входившего некогда в состав Карабахского бейлербейства, часть которого отошла к России. Газах вошел в состав Тифлисского вилайета, но во главе его остался прежний правитель Мир Али-бей, который еще до заключения мирного договора 1724 г. поспешил присягнуть османам [25, с. 15].

Вилайеты были разделены на санджаки, которые совпадали с границами бывших олге и магалов. Санджаки делились на магалы и нахийе в составе нескольких десятков аульных обществ. Так, территория Газахского санджака включала 4 нахийе-магала, в которые входили 205 сел, при этом 95 из них в этот период были не заселены [15, с. 31]. Нахийе в свою очередь делились на гэрийе, в состав которых входило до десяти сел [19, с. 434].

Военно-административные, финансовые и судебные функции в зайлатах были сосредоточены в руках сераскеров (предводителей воинов), которые назначались султанским двором в качестве благодарности из отслуживших и отличившихся офицеров армии среднего звена. Могли претендовать на эту должность и представители местной знати, выказавшие лояль-

ность и оказавшие помощь (прежде всего военную) османскому правительству. Санджаками управляли санджак-беи, магалами и нахийе – найбы, сельскими общинами – кендхуды. Все они были представителями азербайджанского военно-феодалного сословия, получая определенные управленческие и финансовые привилегии от османов. Таким образом, последние стремились привлечь на свою сторону местную элиту – родовую знать и средних и мелких чиновников. Примером этого, как мы отмечали выше, стало переназначение правителя Газаха Мир-Али-бея. Также правителем Марага был оставлен сефевидский бейлербей Карамана [15, с. 50].

Особый статус имели земли, находившиеся севернее р. Куры. В соответствии со статьями Константинопольского договора Османская империя не имела права держать там военный контингент и назначать комендантов, эти территории должны были находиться в управлении местных вассальных владетелей. Поэтому правителям Шекинского бейрябейства был назначен местный Али Султан, которому был присвоен османский титул паши. Эту территорию в управление от сефевидского шаха Аббаса I получил еще его дед Сары Али-бей, причем права эти признали и турецкие власти, когда в 1607 г. на короткое время эти территории были ими завоеваны.

Али Султан в августе 1723 г. получил специальный фирман от султана Ахмета III, в котором говорилось, что бейлербей управляет и Шекинским владением, и присоединенным к нему Захурским санджаком. Совместно с правителем Ширвана Гаджи Давудом он должен был «всегда действовать совокупно для упрочения шариатских постановлений меж населением обоюдных владений». В случае военной опасности Султан Али обязывался отправиться на помощь туркам во главе отряда минимум в 1500 человек [9, с. 1091].

Каждый раз, при смене султана на османском престоле, права на владение азербайджанских вассалов должны были подтверждаться фирманом нового султана. Так, в 1730-е гг., когда на турецком престоле утвердился султан Махмуд, Али Султан получил новый фирман с подтверждением его должности, прав и обязанностей [10, с. 775]. Османы в фирманах именовали Али Султана титулом «бейлербей» [9, с. 1091–1092].

Кроме Шекинского бейрябейства, вассалами османов считались и другие менее значительные территории. Санджак Ареш в 1725 г. по фирману Ахмета III был передан Мухаммеду Али Султанзаде (вероятнее всего, он был сыном шекинского Али Султана). В случае необходимости он должен был выступить на стороне османов с отрядом в 300 «отборных воинов» [10, с. 775]. В том же 1725 г. Кажское бейрябейство было отдано в управление сыну кайтагского уцмья Мухаммеду, но в 1731 г. отобрано и передано Али Султану [10, с. 776].

Ширванское бейрябейство, лишившееся части территорий, отошедших к России, османами было преобразовано в вассальное Ширванское ханство, правителем его еще в ноябре 1722 г. был утвержден Гаджи Давуд. Но даже заручившись поддержкой османов, Гаджи Давуд должен был начать борьбу за владение с ханом Казикумуха Сурхаем, который также претендовал на эти земли. Причем изначально вооруженная борьба началась из-за Губинского владения. В конце 1723 г. обе стороны, не добившись успеха, поспешили заключить перемирие [4, л. 1]. В начале 1724 г., отсутствием Гаджи Давуда в Шемахе, поспешил воспользоваться сын кайтагского уцмья Мухаммед, который при поддержке турецкого паши Османа, захватил здесь власть [4, л. 31]. А затем права на управление Шемахой от османов получил Сурхай-хан [4, л. 4]. Начался новый этап борьбы за власть, за которым, не вмешиваясь, наблюдали османы. К началу 1725 г. победителем вышел Сурхай, который в течение нескольких месяцев управлял Ширваном через своего наиба.

От всех этих событий страдали мирные жители, которым хотелось спокойствия. Многие из них, опасаясь за свои жизни, покидали дома. Например, в марте 1724 г. в Баку пришли представители жителей села Стожали Шабранского магала, которые просили разрешить им переселиться в город, так как они боялись мести Гаджи Давуда, за то, что они оказывали помощь Сурхаю [2, л. 103 об.]. Правитель Дербента Имам Гули-бей писал в эти годы: «...Понеже владение без владетеля, кто хочет по желанию своему владеет и едят народ божий» [2, л. 256].

К 1725 г. Гаджи Давуд все-таки сумел укрепиться в Ширване и даже начал строить планы о борьбе против русских, намереваясь отвоевать Баку и Дербент, и просил для этого помощи гянджинского паши [3, л. 256 об.]. Но паша просьбу отклонил, полагая, что Гаджи Давуд прежде всего начнет борьбу против своих азербайджанских противников и тем самым развяжет новую междоусобицу, в которой будут задействованы и османы. После отказа командующего гянджинского гарнизона Ширванский хан писал самому султану и крымскому хану. Но положительного ответа не получил и от них [3, л. 256 об.].

Сурхай-хан и дагестанские правители тем временем не прекращали набеги на Ширван, что стало всерьез беспокоить османов. И с целью обезопасить эти территории приступили к строительству крепости Топкараган. Эту крепость, по наущению Сурхай-хана, разрушили джарцы [12, с. 88]. Османы пошли с Сурхай-ханом на соглашение, и в 1727 г. он получил титул паши двух бунчуков с фиксированным ежегодным размером жалованья в 3000 руб. Он получил в управление Кабалу, заявил свои права на Агдаш и после этого присягнул на верность Османской империи, окончательно приняв турецкую сторону [13, с. 33].

Примирение Сурхай-хана с османами вызвало серьезные сомнения у Гаджи Давуда, и существует версия, что он начал склоняться к пророссийской ориентации, что заподозрил турецкий паша в Шемахе. Когда в 1726 г. сюда прибыл российский генерал А. И. Румянцев для проведения демаркации российско-османской границы, Гаджи-Давуд намеревался встретиться с подарками, но паша запретил и «никакой коммуникации с посланником чинить не велел» [8, л. 39]. А затем, неожиданно, паша встречу разрешил. Но уже сам Гаджи Давуд засомневался, до него дошли слухи, что турецкие власти хотят видеть ширванским правителем Сурхая, а его хотят умертвить [8, л. 38].

Гаджи Давуд в этот период, как показывают документы, вел тройную игру. С одной стороны, он боялся потерять расположение османов и всячески демонстрировал свою покорность их сюзеренитету [14, с. 100]. С другой, послал к А. И. Румянцеву племянника с сообщением, что в случае «отпадения» подвластной ему территории к России, он сделает все возможное для того, чтобы население приняло российское подданство и не разбежалось [8, л. 40]. И с третьей, отправил шаху Тахмаспу II послание, в котором выразил готовность ему верно служить [2, л. 89].

Такие политические лавирования хана объясняются, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, за время с начала Персидского похода, Гаджи Давуд растерял всякую поддержку населения Ширвана из-за своих непопулярных политических решений и продолжения междоусобиц. Во-вторых, он недальновидно рассчитывал, что, разжигая российско-турецко-персидские противоречия, сумеет воспользоваться ситуацией и создать независимое ханство. Поэтому он чинил всякие препятствия в процессе российско-турецкой демаркации, что не осталось незамеченным обеими сторонами.

Конечно, такая позиция Гаджи Давуда не могла устраивать османские власти. И в разговоре с русским резидентом И. И. Неплюевым турецкий рейс-уль-китаб (министр иностранных дел) в феврале 1728 г. прямо заявил, что османская администрация планирует сменить Гаджи Давуда на Сурхай-хана [2, л. 109 об.]. Уже 26 марта 1728 г., с молчаливого согласия турок, Сурхай-хан подошел со своим войском к Шемахе, Гаджи Давуд же такое собрать не смог [2, л. 41 об. – 42]. А. И. Румянцев запросил инструкцию у Петербурга: как поступить, если вдруг Гаджи Давуд попросится в российское подданство? В ответ получил инструкцию, что если будет очевидно, что это вредит российско-турецким отношениям, прошение отклонить [2, л. 42 об. – 43]. И 6 июня 1728 г. Гаджи Давуд, оказавшийся без какой-либо поддержки, был турками низложен, перевезен с семьей в Гянджу, а Сурхай вступил в Шемаху в качестве правителя [2, л. 86]. Османы завершили демаркацию с Россией, междоусобицы на время прекратились.

Аграрные отношения в Северном Азербайджане в период владычества Османов серьезным изменениям не подверглись. Со времен Сефевидов земли здесь делились на несколько категорий: государственные (аразий-е дивани), династические (хассе или хассе-йи шерифе), частновладельческие (мульк), земли религиозных учреждений и духовенства (вакфы) и земли сельских общин (джамаат-е дех или джамаат торпаги) [22, с. 78].

Первые две категории османами были объединены в категорию земель «мири», т. е. султанских. Земли азербайджанских феодалов, которые оказали османам сопротивление, были отобраны в султанскую казну. Те мюлькедары, которые проявили лояльность к новым властям, сохранили свои владения, а некоторые получили и дополнительные земли. Также земли в Азербайджане на условиях феодального держания получили отличившиеся янычары. Впрочем, за ними, как правило, уже по факту закреплялись захваченные в ходе военной кампании земли [7, л. 142–142 об.]. Переселялись в Азербайджан и гражданские лица, которых султанское правительство жаловало землями во вновь присоединенных бейлярбействах. С распространением в конце 1720-х гг. практики продажи земель «мири», землевладельцами здесь становились чиновники, торговцы и духовные земли [7, л. 295]. Некоторые земли были розданы в качестве вакфов религиозным учреждениям. Так, в Ордубаде в вакф стамбульской мечети султана Мурада III были определены 150 лавок, баня и караван-сарай [20, с. 12].

Налоговая система, установленная османами, наиболее ярко характеризует суть их социально-экономической политики на новых землях. В большой степени она была обусловлена военно-феодальным характером управления новыми территориями. Сразу же после приобретения новых провинций, османские чиновники проводили перепись населения и составляли реестры – дефтери-муфассал, в которых фиксировались численность населения (все взрослое мужское население) и экономические возможности каждого. Затем составлялись канун-наме в каждом санджаке, представлявшие собой росписи налогов со всеми характеристиками: вид налога, с кого, сколько, когда, предназначение, льготы [18, с. 12]. Дефтери азербайджанских санджаков были составлены в 1727–1728 гг. и на их основании установлены 11 видов налогов (на примере Гянджинского вилайета).

Налог Ушр взимался в пользу землевладельцев за пользование землей и составлял десятую часть урожая, собирался натурой и деньгами. Бахре (или малджахат) – за пользование водой в размере одной пятой части урожая. Ресми-баг (багбаши) – с садов, составлял десятую часть урожая, взимался османами деньгами. Ресми-бостан – с огорода, не фиксированный, зависел от размера и доходности владения. Ресми-гован – с пчеловодов, не фиксированный. Ресми-баннак – подушный налог с малоимущих, но трудоспособных крестьян, 40 акча в год. Ресми-агнам – с полукочевых скотоводов за пользование летними (яйлаг) и зимними (кышлаг) пастбищами, не фиксированный. Ресми-динг – с владельцев динга (приспособления для молотбы риса), с выработки. Ресми-асияб – налог на мельницу, также с выработки. Ресми-испендже – подушный налог с каждого подданного, 120 акча в год [17, с. 120].

Большинство этих налогов взималось и при сефевидах, а некоторые, наиболее архаичные, существовавшие при них, были отменены. Например, ресми-арусане – налог за невесту (свадебный). Некоторым категориям налогоплательщиков были предоставлены льготы. Прежде всего, это были женщины и дети, старики, инвалиды, люди интеллигентных профессий (врачи, учителя). В некоторых санджаках и вилайетах налоги могли немного отличаться, но сути это не меняет – была введена система налогообложения, которая в целом сохранила сефевидские налоги [17, с. 120].

Все налоги делились на две категории. В первую входили налоги религиозные (шариатские – текалиф-и шерие), их размер определялся предписаниями ислама и не мог произвольно меняться властями. Во вторую – налоги, определяемые обычаями и традициями (текалиф-и орфие), взимаемые с населения. Размер их был различным и менялся в зависимости от различных обстоятельств. Это были хорошо известные и широко распространенные в период феодализма в разных странах повинности – постоянная, повозная, ямская и т. п. [22, с. 272].

Сохранены были османами и сефевидские пошлины и сборы на торговлю, так же, как и внутренние таможи. Поэтому в Азербайджане повсеместно взимались гемрюк и рахдары – таможенные и «за охрану дорог», пошлины. На рынках – ресм-и гапан, «за весы; худдаимие – «за обслуживание» [15, с. 17–18]. Часто собирались налоги и с продажи определенного вида товаров: с масла, сала для свечей, риса, пшеницы, ячменя, муки, проса, шелковых тканей, меда, сукна и суконной одежды, олова, свинца, подков, чернильных орешков, киш-миша, льна, шерстяных изделий, привозных шалей и одежды и т. д. Единицей налогообложения при этом выступал не сам товар, а вьюк (размер тары. – *Р. П.*), в котором он был привезен на лошади. Также взимался налог на взвешивание этих товаров – гапандар [11, с. 196].

Целям пополнения османской казны служили и многочисленные штрафы, массово взимаемые с «нарушителей закона». Практиковалась и передача сбора налогов в откуп – мука-таа. Мог быть передан определенный вид налогов. Например, с виноградных садов в Нахичеванском санджаке [17, с. 122]. Могли передать сбор всех налогов с определенной территории. В этом случае проводились публичные торги. Выигравший их получал право сбора налога на определенной территории на основании специального документа (себе-и тахрир-и хюкум), в котором прописывалась сумма, которую откупщик обязан был вносить каждый год в казну [16, с. 28]. На этом документе кади ставил свою подпись-заверение, каждый год, что сумма откупщиком уплачена полностью и в срок [18, с. 14].

В 1724–1735 гг. в Азербайджане употреблялись две системы мер и веса – сефевидская и османская. Также в обращении были деньги обоих государств. Есть свидетельства, что османы пытались наладить чеканку монет в Гяндже. А по специальному указу некий дефтердар Яшеллизаде был отправлен в Тебриз для организации монетного двора и последующей чеканки османских денег там – «султани алтуни» [24, с. 77].

Персидский поход Петра I, военные действия османской и российской армий, раздел Азербайджана нанесли ощутимый удар по экономике региона, торговым отношениям. Пере-

ход прикаспийских территорий Северного Азербайджана под контроль России лишил его внутренние территории выхода на главный для них торговый путь – Волго-Каспийский. При этом со стороны российского правительства четко прослеживалось стремление и дальше развивать торговые отношения с Закавказьем и договариваться по этому вопросу с османами.

Уже в начале 1724 г. посол И. И. Неплюев сообщил турецкой стороне, что российские комменданты Баку и Дербента предупреждены о том, чтобы не «чинить» никаких препятствий приезжающим для торговли сюда закавказским торговым людям. Просил разрешить аналогичные действия османскому представителю в Шемахе Али-бею [6, л. 190 об.]. Но турецкие власти не торопились идти навстречу, опасаясь усиления российского влияния в Закавказье. Под предлогом опасения за безопасность в условиях военно-политической нестабильности, отсутствия демаркационных линий, османы отказали [6, л. 191 об.]. Турция в этой ситуации преследовала цель переориентировать весь выгодный транзит иранского шелка в Европу, шедший в тот период через Каспий и российские территории, на себя [23, с. 182].

В 1727–1728 гг. османские власти ввели умеренные таможенные тарифы, что немедленно привело к расширению транзита шелка через их территории, в которые тогда входил и Азербайджан. В 1729 г. в Тебризе был заключен договор с персидскими и азербайджанскими купцами, провозившими шелк по маршруту Гилян – Тебриз и далее по территории Турции, об освобождении их от внутренних таможенных пошлин (рахдаров) внутри Османской империи, прежде всего в Закавказье [21, с. 250].

Некоторые категории населения в Азербайджане получили от османов льготы при сборе налогов. Прежде всего, это относится к суннитскому духовенству, но и шиитские имамы получили льготы, правда, в меньших размерах. Фирман от султана Ахмета III, выданный в августе 1723 г. на имя шекинского Али Султана, предписывал оказывать духовенству «должное уважение» [9, с. 1091]. Кади – мусульманские судьи имели права самостоятельно назначать штрафные санкции в суде. Подчинялись они кадиаскерам, а через них – шейх-уль-исламу. Кадийские округа «каза» часто не совпадали с военно-административными районами. Таким образом, кади вообще были выведены из-под подчинения военной администрации [18, с. 14].

Безусловно, главными плательщиками налогов были низы азербайджанского общества – крестьяне и ремесленники. Точных данных о размере ежегодно собиравшихся податей и повинностей на всей территории азербайджанских провинций нет. Но по отдельным регионам некоторые данные есть. Так, по сведениям Г. Мамедова, в Газахском санджаке налогоплательщиков в 1727 г. было 1417 человек, на одного налогоплательщика пришлось 723 акче [16, с. 60–61].

Собиравшиеся с народа деньги шли в султанскую казну, на содержание султанских представителей в Закавказье, на содержание османских гарнизонов, на укрепление и ремонт оборонительных сооружений, строительство крепостей (например, Тебризской крепости в 1725 г.).

Т. Т. Мустафазаде отмечает, что при Сефевидах с населения налоги взимались в больших размерах, чем при османах [17, с. 124]. Но следует помнить, что и уровень экономики в мирное время в Персидской державе был выше, чем в переживших военные действия и междоусобицы азербайджанских провинциях Османской империи. Значительное ухудшение положения крестьян и городских низов, резкое падение их платежеспособности не могли не сказаться на размерах налоговых сборов.

Следует также помнить, что помимо регулярных налогов османские правители систематически собирали чрезвычайные поборы на различные подарки османской аристократии. В начале 1731 г. в Шемахе посланнику султана Мир-Ахундбаши были подарены 8 лошадей с серебряными мундштуками и уздечками, по 8 ружей и сабель, 5000 рублей денег, 8 юношей и 8 девушек [5, л. 6]. Это была благодарность Сурхай-хана за свое утверждение в ханстве. А гянджинский Ибрагим-паша в подарок новому султану Махмуду по случаю его утверждения на престоле преподнес 25 тыс. руб. [5, л. 6 об.].

Настоящей проблемой в период правления османов в Азербайджане стало самоуправство янычар. Правитель Тебриза сетовал в переписке в 1729 г., что в городе уже длительное время находятся купцы с товарами, хотят ехать в Гилян, но боятся, что в пути их разграбят янычары [4, л. 148 об.]. Османские власти пытались бороться с произволом своих военных. От имени шейх-иль-ислама вышло запрещение обращать в рабов мусульман-шиитов, от имени султана – разрешение вернуться в свои села (около 300) жителям, боявшимся расправ за поддержку Сефевидов [26, с. 212].

Но прекратить бесчинства солдат османскому правительству не удавалось. В начале 1729 г. они потребовали разрешения разграбить два местечка близ Тебриза, якобы назидание

проживавшим там бежавшим от турок жителям города. Но получили отказ [1, л. 119]. В начале сентября 1729 г. янычары в ответ на запрет обращать шиитов в рабов подняли бунт в Тебризе, искали повод, чтобы начать грабежи и мародерства. Сераскер Хаджи Мустафа-паша под угрозой смерти дал им на это разрешение. В итоге янычары «ограбили оставших обывателей, жен и детей пленили» [1, л. 119]. Такие случаи фиксировались ежегодно представителями российской дипломатической миссии вплоть до 1735 г., когда османы вынуждены были отказаться от Азербайджана.

Таким образом, мы видим, что в 1724–1735 гг., когда основная часть Северного Азербайджана оказалась в составе Османской империи, правительством последней были проведены мероприятия, направленные на создание системы управления этими территориями, соответствующей имперским интересам. При этом османы не особенно стремились к серьезному слову сефевидских институтов управления, о чем свидетельствует фактическое сохранение существовавшей при них налоговой системы. Сбор налогов с населения в пользу османской казны являлся главной управленческой задачей в рассматриваемый период. Военно-административная система, в свою очередь, была полностью подчинена задаче умиротворения населения и прекращения междоусобиц, что, в свою очередь, гарантировало бесперебойное поступление налогов. В реальности же, османы так и не смогли установить в Азербайджане свои социально-экономические порядки.

Список литературы

1. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 3.
2. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 4.
3. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 5.
4. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 6.
5. АВПРИ. Ф. СРП. Оп. 77/1. Д. 12.
6. АВПРИ. Ф. СРТ. Оп. 89/1. Д. 6.
7. АВПРИ. Ф. СРТ. Оп. 89/1. Д. 7.
8. АВПРИ. Ф. СРТ. Оп. 89/1. Д. 15.
9. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис : Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
10. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 6. Ч. 2. Тифлис : Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1875. 954 с.
11. Баркан О. Л. Книга законов Египта. Мысыр кануннамеси. М. : Медина, 2017. 356 с.
12. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб. : Тип. Императорского Академического Училища, 1869. 548 с.
13. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: архивные материалы. М. : Восточная литература, 1958. 86 с.
14. Магарамов Ш. А. Российско-турецкое пограничье в Восточном Закавказье в 20–30-е гг. XVIII в.: проблемы разграничения, реакция пограничных сообществ // Журнал фронтальных исследований. 2022. № 1. С. 94–108. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.371.
15. Мамедов Г. М. Османская налоговая система в Азербайджане в 20–30-е гг. XVIII в. (на материалах эялета Гянджа и санджака Казах). Баку : Элм, 1985. 186 с.
16. Мамедов Г. М., Шенгелия Н. Н. Документы о финансировании османских войск в Азербайджане (1724–1735 гг.) // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. 1984. № 2. С. 25–32.
17. Мустафазаде Т. Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку : Элм, 1993. 238 с.
18. Орешкова С. Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М. : Наука, 1986. С. 5–18.
19. Папазян А. Д. Турецкие налоговые реестры села Вагаршапат. 1725–1728 гг. // Вестник Матенадарана. 1960. № 5. С. 431–434.
20. Папазян А. Д. Персидские, арабские и турецкие официальные документы Матенадарана XIV–XIX вв. и их значение для изучения социально-экономической жизни стран Ближнего Востока. М. : Наука, 1960. 22 с.
21. Папазян А. Д. Роль армян в производстве шелка в Турции и договор, заключенный в 1729 г. в Тебризе // Вестник Матенадарана. 1969. № 9. С. 250–252.
22. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л. : ЛГУ, 1949. 384 с.
23. Рябцев А. Л. Роль Ирана в Восточной торговле России в XVIII веке. М. : Прометей, МПГУ, 2002. 213 с.

24. Челебизаде А. И. Тарихи Челибизаде. Баку : Элм, 1960. 186 с.
25. Danishmend Izahli Ismail Hani. Osmanli tarihi kronologisi. IV cilt. Istanbul, 1956. 386 p.
26. Hammer J. Histoire de l'Empire Ottoman. T. I–XVIII. Paris, 1835–1836. T. VII. 256 p.

Northern Azerbaijan under the rule of the Ottoman Empire (1723–1735)

Ozdamirova Eliza Musatovna

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Modern and Modern History,
Kadyrov Chechen State University. Russia, Grozny. E-mail: eliza1976@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of a wide range of published and unpublished sources from the archives of the Russian Federation, research by historians, the article attempts to give a detailed picture of the Ottoman administration system in the territory of Northern Azerbaijan (modern Azerbaijan Republic) in 1723–1735. These territories were transferred to the Ottoman Empire from the Persian Safavid empire as a result of the conclusion of the Treaty of Constantinople with the Russian Empire in 1724. It is established that in the years under review, the Ottoman Empire introduced a system of military administrative management in Transcaucasia, preserving as much as possible the territorial division that existed under the Safavids. The Ottomans provided protection to the local Azerbaijani elite, who did not resist them. A certain part of the provincial rulers managed to maintain their power. At the same time, the Ottoman authorities, supporting one or another contender for the administration of the khanate province, clearly followed the tactics of supporting the sovereign rulers most loyal to their government or sided with the strongest in the internecine clashes of the Azerbaijani elites. The Ottoman authorities in the center and in the Northernmost Azerbaijan also constantly ensured that the local rulers did not show pro-Russian intentions and did not get closer to their northern neighbor. The taxation system has not undergone major changes either. The main task that was set for the rulers of the provinces was the regular receipt of taxes to the sultan's treasury, so the Ottomans had to come to terms with the socio-economic system that existed in Azerbaijan. The military-administrative management system established by the Ottomans pursued the same goal. The research was conducted on the basis of the use of general scientific (analysis, synthesis) and special historical scientific methods: comparative historical, ideographic, retrospective and others.

Keywords: the Treaty of Constantinople, the Ottoman Empire, military administration, beylerbeystvo, sanjak, tax system.

References

1. AFPRE (Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire). F. PSA. Inv. 77/1. File 3.
2. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 4.
3. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 5.
4. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 6.
5. AVPRI. F. PSA. Inv. 77/1. File 12.
6. AVPRI. F. SRT. Inv. 89/1. File 6.
7. AVPRI. F. SRT. Inv. 89/1. File 7.
8. AVPRI. F. SRT. Inv. 89/1. File 15.
9. Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Vol. 2. Tiflis : Typ. of the Main directorate of the Governor of the Caucasus, 1868. 1238 p.
10. Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Vol. 6. Part 2. Tiflis : Typ. of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus, 1875. 954 p.
11. Barkan O. L. *Kniga zakonov Egipta. Mysyr kanunnamesi* [The book of laws of Egypt. Mysyr kanunnamesi]. M. Medina, 2017. 356 p.
12. Butkov P. G. *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 1]. SPb. Typ. of Imperial Academy of Science, 1869. 548 p.
13. Gerber I. G. *Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspijskogo morya, 1728 g.* [Description of countries and peoples along the western shore of the Caspian Sea, 1728] // *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.: arhivnye materialy* – History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII–XIX centuries: archival materials. M. Oriental literature, 1958. 86 p.
14. Magaramov Sh. A. *Rossijsko-tureckoe pogranch'e v Vostochnom Zakavkaz'e v 20–30-e gg. XVIII v.: problemy razgranicheniya, reakciya pogranychih soobshchestv* [Russian-Turkish borderland in Eastern Transcaucasia in the 20–30s of the XVIII century: problems of demarcation, reaction of border communities] // *Zhurnal frontirnyh issledovanij* – Journal of Frontier Studies. 2022. No. 1. Pp. 94–108. DOI: 10.46539/jfs.v7i1.371.
15. Mamedov G. M. *Osmanskaya nalogovaya sistema v Azerbajdzhane v 20–30-e gg. XVIII v. (na materialah eyaleta Gyandzha i sandzhaka Kazah)* [The Ottoman tax system in Azerbaijan in the 20–30s of the XVIII century (based on the materials of eyalet Ganja and Sanjak Kazakh)]. Baku. Elm, 1985. 186 p.

16. Mamedov G. M., Shengeliya N. N. *Dokumenty o finansirovanii osmanskih vojsk v Azerbajdzhane (1724–1735 gg.)* [Documents on the financing of the Ottoman troops in Azerbaijan (1724–1735)] // *Izvestiya AN Azerbajdzhanskoj SSR. Seriya istorii, filosofii i prava* – News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. A series of history, philosophy and law. 1984. No. 2. Pp. 25–32.
17. Mustafazade T. T. *Azerbajdzhan i russko-tureckie otnosheniya v pervoj treti XVIII v.* [Azerbaijan and Russian-Turkish relations in the first third of the XVIII century]. Baku. Elm, 1993. 238 p.
18. Oreshkova S. F. *Gosudarstvennaya vlast' i nekotorye problemy formirovaniya social'noj struktury osmanskogo obshchestva* [State power and some problems of the formation of the social structure of the Ottoman society] // *Osmanskaya imperiya: sistema gosudarstvennogo upravleniya, social'nye i etnoreligioznye problemy* – The Ottoman Empire: the system of public administration, social and ethno-religious problems. M. Nauka, 1986. Pp. 5–18.
19. Papazyan A. D. *Tureckie nalogovye reestry sela Vagarshapat. 1725–1728 gg.* [Turkish tax registers of the village of Vagarshapat. 1725–1728] // *Vestnik Matenadarana* – Herald of the Matenadaran. 1960. No. 5. Pp. 431–434.
20. Papazyan A. D. *Persidskie, arabskie i tureckie oficial'nye dokumenty Matenadarana XIV–XIX vv. i ih znachenie dlya izucheniya social'no-ekonomicheskoy zhizni stran Blizhnego Vostoka* [Persian, Arabic and Turkish official documents of the Matenadaran of the XIV–XIX centuries and their significance for the study of the socio-economic life of the countries of the Middle East]. M. Nauka, 1960. 22 p.
21. Papazyan A. D. *Rol' arмян v proizvodstve shelka v Turcii i dogovor, zaklyuchennyj v 1729 g. v Tebrize* [The role of Armenians in silk production in Turkey and the agreement concluded in 1729 in Tabriz] // *Vestnik Matenadarana* – Herald of the Matenadaran. 1969. No. 9. Pp. 250–252.
22. Petrushevskij I. P. *Ocherki po istorii feodal'nyh otnoshenij v Azerbajdzhane i Armenii v XVI – nachale XIX vv.* [Essays on the history of feudal relations in Azerbaijan and Armenia in the XVI – early XIX centuries]. L. LSU, 1949. 384 p.
23. Ryabcev A. L. *Rol' Irana v Vostochnoj torgovle Rossii v HVIII veke* [The role of Iran in Russia's Eastern trade in the XVIII century]. M. Prometheus, MPSU, 2002. 213 p.
24. Chelebizade A. I. *Tarihi Chelibizade* [Tarikhi Chelibizade]. Baku. Elm, 1960. 186 p.
25. Danishmend Izahli Ismail Hami. *Osmanli tarihi kronologisi*. IV cilt. Istanbul, 1956. 386 p.
26. Hammer J. *Histoire de l'Empire Ottoman*. Vol. I–XVIII. Paris, 1835–1836. Vol. VII. 256 p.